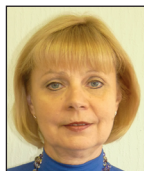

Орфоэпические варианты как социолингвистические переменные в устной речевой коммуникации

Orthoepic Variants as Sociolinguistic Variables in Oral Speech Communication

DOI: 10.12737/2587-9103-2022-11-4-35-40

Получено: 12 июня 2022 г. / Одобрено: 23 июня 2022 г. / Опубликовано: 25 августа 2022 г.

Т.М. Надеина

Д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: tanadeina@yandex.ru

T.M. Nadeina

Doctor of Philology, Professor, Professor of the Forensic Expertise Department,
Moscow State Kutafin Law University (MSAL),
e-mail: tanadeina@yandex.ru

Аннотация

В статье изложены результаты исследования, посвященного изучению корреляции орфоэпических вариантов, используемых говорящим, с его социально-демографическими характеристиками, полученные в результате опроса носителей современного русского языка. Изучалась связь между частотностью выбора того или иного орфоэпического варианта и такими характеристиками, как пол и возраст. Выявлено отсутствие гендерных различий в выборе орфоэпического варианта, с одной стороны, и существование зависимости между частотой использования некоторых вариантов и возрастом респондента, с другой стороны. Подчеркнута необходимость дальнейшего комплексного изучения социально маркированных произносительных вариантов на материале русского языка.

Ключевые слова: устная речевая коммуникация, вариативность произношения, социальная маркированность, социально-демографические факторы, пол, возраст.

Abstract

The article presents the research of correlation between orthoepic variants used by a speaker and his socio-demographic characteristics, obtained by means of native modern Russian speakers survey. The relationship between frequency of orthoepic variant choosing and gender and age of speakers was studied. The absence of gender differences in the choice of orthoepic variants was revealed, on the one hand, and the existence of a relationship between frequency of some variants and the age of respondent, on the other hand. The necessity of further comprehensive study of socially marked pronunciation variants in Russian language is highlighted.

Keywords: oral speech communication, pronunciation variability, social marking, socio-demographic factors, gender, age.

Введение

Одной из задач устной речевой коммуникации, помимо обмена информацией с целью эффективно взаимодействия, является получение дополнительной информации о собеседнике: о его эмоциональном и физическом состоянии, уровне образования, возрасте, месте проживания, а иногда — в силу возможностей, предоставляемых современными техническими средствами — и о поле. Особенности произношения могут являться коррелятами этих личностных и социально-демографических характеристик человека, т.е. выступать в роли социолингвистических переменных. В нашей статье мы рассмотрим только произносительные варианты, которые связаны с вариативностью произношения некоторых звуков и которые мы называем орфоэпическими вариантами, в отличие от акцентологических вариантов, связанных с вариативностью ударения.

Понятие «социолингвистическая переменная» является одним из центральных в социолингвистике и используется для обозначения основной операциональной единицы социолингвистического анализа языковой и речевой вариативности. Под социолингвистической переменной понимается «любой языковой или речевой коррелят стратификационной и ситуативной вариативности» [5, с. 210].

Этот термин получил широкое распространение благодаря работам У. Лабова, который определял социолингвистическую переменную «как величину, которая зависит от некоторой нелингвистической переменной социального контекста: говорящего, слушающего, аудитории, обстановки и т.п.» [3, с. 150]. Вслед за У. Лабовым принято выделять социолингвистические индикаторы, которые «обнаруживают регулярное распределение по общественно-экономическим, этническим или возрастным группам, но в речи каждого индивидуума проявляются более или менее одинаковым образом в любом контексте» [3, с. 150], т.е. отражают стратификационное варьирование. Другой вид переменных — социолингвистические маркеры, которые «обладают не только социальной дистрибуцией, но и стилистически дифференцированы» [3, с. 150], т.е. отражают главным образом ситуативное варьирование.

Примечательно, что наиболее стабильным социолингвистическим маркером в американском варианте английского языка, как показало исследование, проведенное У. Лабовым, является глухой межзубный фрикатив [θ] (как в словах *thing*, *thick* и др.), имеющий в качестве орфоэпических вариантов взрывной [t] и аффрикату [tθ], которые противопоставлены литературному престижному варианту. В ходе исследования особенностей произношения этого звука в

разных социально-экономических классах («низший класс», рабочий класс, нижние слои среднего класса, высший слой среднего класса) г. Нью-Йорка была выявлена регулярная дифференциация у представителей указанных классов. Кроме того, показано, что эта стратификационная вариативность сопровождается также стилистической вариативностью в зависимости от наименее официального (непринужденная речь) до наиболее официального (в качестве аналога которого автор рассматривал чтение списка слов) стилей [3, с. 151].

Другими переменными являются звонкий межзубный фрикатив [dh] (как в словах *this, then* и др.) с вариантом [d], безударное [ing] (*working, nothing* и др.) с вариантом [in], зависящие от сходных факторов [3, с. 154].

В нашей стране наиболее масштабное исследование вариативности произношения было осуществлено в рамках массового обследования носителей русского литературного языка, проведенного научными сотрудниками Института русского языка им. В.В. Виноградова в 60–70 гг. XX в. под руководством М.В. Панова. Объектом послужили в числе прочего такие орфоэпические варианты, как [шы]гí // [ша]гí; було[шн]ая // було[чн]ая; до[ш:]' // до[шт:]'; е[ж:]'у // [ж:]у и т.п. Результаты обследования отражены в коллективной монографии [4]. Они подтвердили гипотезу о том, что использование языковых вариантов зависит от социальных характеристик носителей языка, а также выявили зависимость между выбором того или иного варианта от таких социальных признаков говорящих, как возраст, уровень образования, социальное положение, место, где прошло детство, место наиболее длительного жительства и др. Перечисленные признаки следует рассматривать как факторы, обуславливающие социальную вариативность языка и речи.

Фиксируя существование социально маркированных языковых единиц языка и отмечая при этом, что социальная обусловленность «проявляется не на всем пространстве языка, а лишь на некоторых участках его системы» [2, с. 486], Л.П. Крысин выделил следующие социолингвистические переменные фонетического уровня [2, с. 486–491].

1. Фрикативный заднеязычный согласный [ɣ] и его глухой позиционный коррелят [x]: сне[ɣ]а — сне[x], но[ɣ]а — со всех но[x] и т.п. как производительный вариант фонемы <г> [2, с. 487]. Как показал автор, эта черта произношения является индикатором таких факторов, как место жительства (рождения, продолжительного пребывания), уровень образования, принадлежность к профессиональной группе, возраст, пол, степень социальной мобильности.

2. Ассимилятивное смягчение согласного перед следующим согласным *ко[н'ф']ета, ла[ф'к']и, ла[н'к']и, по[д'в']есить, о[т'в']ёл* и т.п. как маркер просторечия (и соответственно низкого уровня образования).

3. Расподобление согласных типа *дилектор, коллитор, свободно, транвай* и т.п. как маркер просторечия.

4. Звук [o] в безударных слогах, наблюдаемое в речи священнослужителей, что, следовательно, может являться индикатором профессиональной принадлежности. Безударный [o] сохраняется также при произношении некоторых иноязычных слов (типа *сонет, болеро*), что характерно для речи представителей интеллигенции старшего поколения главным образом в жанрах публичной речи (маркер принадлежности к профессиональной группе, возраста и стиля речи).

5. Редуция безударного звука [y] типа *[бъ]терброд, [дъ]раки (дураки), [съ]ндуки, де[дъ]шка, ма[тъ]шка*, характерная для носителей просторечия [2, с. 491].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что орфоэпическая вариативность может быть обусловлена действием таких факторов, как уровень образования, принадлежность к профессиональной группе, место жительства (рождения, продолжительного пребывания), возраст, пол, степень социальной мобильности и некоторых других.

В социолингвистических исследованиях последних десятилетий ведутся разноплановые исследования, касающиеся корреляции между разными социальными факторами, с одной стороны, и языковыми единицами разных уровней, с другой. Традиционной темой является влияние возраста и гендера на особенности языка и речи индивида. В социолингвистическом аспекте это явление рассматривается в ряде работ, однако, как правило, на материале иностранных языков. Например, в работах [6; 7] выявлена корреляция между возрастными и ритмотемпоральными характеристиками жителей США. Гораздо меньшее количество исследований выполнено на материале русского языка, при этом орфоэпической вариативности в этом аспекте в настоящее время уделяется мало внимания. Масштабное исследование проведено в Санкт-Петербургском государственном университете, где изучались особенности русского языка повседневного общения разных социальных групп современного российского города. Получены количественные данные об особенностях каждой группы на фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях [1].

На фонетическом уровне в гендерном аспекте выявлены различия в частоте употребления орфоэпических вариантов слова *сейчас*: редуцированная

форма *щас* употребляется женщинами почти в два раза чаще, чем мужчинами (12,9 vs. 7,2%). Так же, примерно в два раза чаще, чем женщины, мужчины употребляют формы *чѣ* (14,5 vs. 7,1%), *буит* (6,5 vs. 2,9%) и *ничѣ* (4,3 vs. 2,4%). Только в мужской речи весьма частотными оказались формы *диситна* (*действительно*), *када* (*когда*) и *шо* (*что*), в женской речи в число частотных попала редуцированная форма *гыт* (*говорит*; 2,4%), которой не обнаружилось (среди более или менее частотных) в речи мужчин [1, с. 84].

Возрастные различия проявились в том, что для информантов только среднего и старшего возраста форма *щас* занимает первую строчку в частотных словниках, при этом преобладает в речи среднего поколения (17,9 и 7,4% соответственно). В младшей группе наиболее частотной оказалась редуцированная форма *чѣ* (14,5%), а *щас* занимает вторую строчку (9,8%). Кроме того, только младшее поколение более активно употребляет форму *ваще*, а в речи информантов средней возрастной группы преобладают формы *пожалста* и *насиб(а)* [1, с. 84].

Очевидно, что существует необходимость в дальнейших исследованиях орфоэпической вариативности на материале русского языка, прежде всего, в гендерном и возрастном аспектах. При этом подобные исследования должны быть ориентированы не только на выявление социолингвистических переменных, но и на оценку их валидности при отражении корреляции с тем или иным социальным фактором. Эта проблема важна не только в теоретическом плане, но и для решения ряда практических задач, в частности, для диагностики говорящего по его устной спонтанной речи.

Цель нашего исследования заключалась в изучении влияния гендерных и возрастных различий на использование того или иного орфоэпического варианта слов, известных как «проблемные» при обучении нормативному произношению.

Материал и методика исследования

Материалом для исследования являлись орфоэпические варианты наиболее распространенных слов, относящихся к следующим группам:

- 1) слова, произношение которых может определяться разными произносительными нормами — старшей (старомосковской) и младшей (петербургской):
 - содержащие сочетание букв ЧН (*скучно, булочная, Никитична, порядочный*),
 - содержащие сочетание букв ЖЖ (*дрожжи*);
- 2) слова иностранного происхождения, в которых наблюдаются колебания в произношении твердого или мягкого согласного перед буквой Е (*басейн, сейф, сессия*);

- 3) слова, для которых характерны варианты при произношении букв Е и Ё (*афера, жёлчь*).

Исследование проводилось путем устного опроса носителей русского языка, проживающих в разных регионах РФ. В анкету были включены прямые вопросы, предполагающие однозначный выбор из двух вариантов: «Как Вы говорите: ску[шн]о или ску[ч'н]о?», расположенные в случайном порядке, одинаковым для всех испытуемых.

Интервьюерами являлись студенты 3-го курса Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Им была дана инструкция о том, как проводить опрос и фиксировать его результаты. Предлагалось выбирать респондентов таким образом, чтобы они представляли разные возрастные категории и чтобы количество опрошенных мужчин и женщин было приблизительно одинаковым (с разницей в 1–2 человека). В остальном выборка носила случайный характер.

Всего было опрошено 315 человек, из них 157 мужчин и 158 женщин разных возрастов. Рассматривались следующие возрастные категории: молодежный (17–25 лет), младший средний (26–45), старший средний (46–60 лет), пожилой (старше 60 лет).

Результаты исследования

1. Гендерный аспект

В табл. 1 представлено количество ответов респондентов-мужчин в сопоставлении с ответами респондентов-женщин об использовании того или иного варианта произношения. Жирным шрифтом выделены те варианты, которые статистически значимо являются наиболее частотными в нашей выборке.

Как можно видеть, значимых различий в ответах мужчин и женщин не обнаружено. И мужчины, и женщины демонстрируют единообразный выбор привычного для них произносительного варианта. Это касается как значимого преобладания одного из них, так и случаев равновероятного выбора (для слов *Никитична* и *дрожжи*), когда орфоэпические варианты используются практически с одинаковой частотой.

Таблица 1

Количество ответов об использовании орфоэпических вариантов слов (в процентах)

Группа	Варианты произношения	Мужчины	Женщины
1-я группа	ску[шн]о	32	30
	ску[ч'н]о	68	70
	було[шн]ая	13	14
	було[ч'н]ая	87	86

Окончание табл. 1

Группа	Варианты произношения	Мужчины	Женщины
1-я группа	порядо[ч'н]ый	79	81
	порядо[шн]ый	21	19
	Никити[ч'н]а	59	59
	Никити[шн]а	41	41
	дро[ж'ж'и]	45	46
	дро[жжы]	55	54
2-я группа	ба[с'е]йн	69	73
	ба[сэ]йн	31	27
	[с'е]йф	78	81
	[сэ]йф	22	19
	[с'е]ссия	32	30
	[сэ]ссия	68	70
3-я групп	а[ф'э]ра	67	65
	а[ф'о]ра	33	35
	[жэ]лчь	87	89
	[жо]лчь	13	11

Полученные результаты позволяют оценить современные тенденции в использовании того или иного орфоэпического варианта «проблемных» слов русского языка.

1. В словах, содержащих сочетание букв ЧН, преобладающим является орфоэпический вариант с [ч'н], за исключением слова *Никитична*, где оба варианта произношения являются равновероятными.
2. Для слова *дрожжи* оба произносительных варианта ([ж'ж'и] и [жжы]) равновероятны как у мужчин, так и у женщин.
3. В словах иноязычного происхождения возможно как преобладание варианта с мягким согласным перед буквой Е (в словах *бассейн* и *сейф*), так и преобладание варианта с твердым согласным (в слове *сессия*).
4. В словах с потенциальным смешением произношения букв Е и Ё преобладающим вариантом является произношение со звуком [э].

Закономерности использования того или иного орфоэпического варианта для указанных случаев нуждаются в дальнейшем исследовании.

2. Возрастной аспект

Поскольку выборка была в большой степени случайной, количественный состав респондентов, относящихся к разным возрастным группам, оказался несбалансированным: респонденты в возрасте 17–25 лет составили 50% выборки, 26–45 лет — 24%, 46–60 лет — 15%, 60 лет — 11%.

Количество ответов об использовании орфоэпических вариантов по возрастным группам представлено в табл. 2.

Таблица 2

Количество ответов об использовании орфоэпических вариантов по возрастным группам (в процентах)

Группа	Варианты произношения	17-25	26-45	46-60	60+
1-я группа	ску[шн]о	28	36	31	39
	ску[ч'н]о	72	64	69	61
	було[шн]ая	8	11	17	26
	було[ч'н]ая	92	89	83	74
	порядо[ч'н]ый	85	75	74	68
	порядо[шн]ый	15	25	26	32
	Никити[ч'н]а	59	54	67	55
	Никити[шн]а	41	46	33	45
	дро[ж'ж'и]	52	46	48	42
	дро[жжы]	48	54	52	58
2-я группа	ба[с'е]йн	74	65	79	87
	ба[сэ]йн	26	35	21	13
	[с'е]йф	85	74	76	81
	[сэ]йф	15	26	24	19
	[с'е]ссия	18	34	52	68
	[сэ]ссия	82	66	48	32
3-я групп	а[ф'э]ра	80	63	50	45
	а[ф'о]ра	20	37	50	55
	[жэ]лчь	92	85	88	87
	[жо]лчь	8	15	12	13

Полученные результаты в целом согласуются с теми, которые были достигнуты при исследовании гендерных различий: основная тенденция в использовании орфоэпических вариантов подтвердилась. Однако выявлены некоторые различия, которые могут быть связаны с возрастной принадлежностью.

1. Для слова *Никитична* в целом характерно равновероятное использование вариантов с произношением [ч'н] и [шн], однако для возрастной категории 46–60 лет преобладающим вариантом является [ч'н].
2. В большинстве случаев слово *сессия* реализуется с мягким согласным перед буквой Е, но в возрастной категории 46–60 лет оба орфоэпических варианта являются равновероятными.
3. При произношении слова *афера* в целом преобладающим является вариант со звуком [э]. Однако в старшей возрастной категории (60+) равновероятны оба варианта.

Кроме того, выявлена тенденция к использованию вариантов в зависимости от возраста: частота выбо-

ра некоторых вариантов изменяется по мере увеличения возраста. Это касается произношения следующих слов:

- *булочная* как *було[шн]ая*, *порядочный* как *поро[шн]ый*, когда количество случаев их употребления равномерно возрастает с увеличением возраста; частично это касается варианта *ску[шн]о*, где равномерность немного нарушается в возрастной категории 46–60 лет;
- *сессия* как *[с'е]ссия*, когда количество случаев смягчения согласного перед Е равномерно возрастает с увеличением возраста;
- *афера* как *а[ф'е]ра*, где при увеличении возраста наблюдается уменьшение частоты использования варианта со звуком [э].

Для иллюстрации этих результатов на рис. 1 представлен график, отражающий динамику изменения частоты использования варианта *було[шн]ая* в зависимости от возраста респондентов.

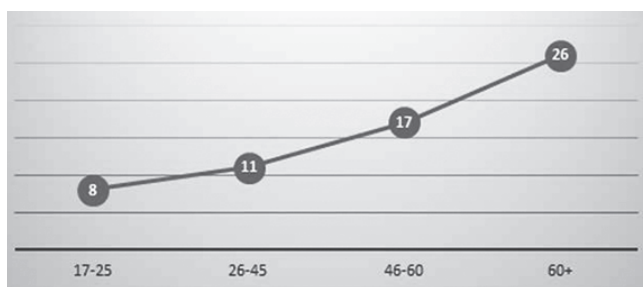

Рис. 1. Динамика изменения частоты использования варианта *було[шн]ая* в зависимости от возраста респондентов

Таким образом, полученные данные позволяют говорить о существовании тенденции к тому, что люди старшего возраста чаще соблюдают старомосковскую норму произношения сочетания букв ЧН в слове, а также склонны к смягчению согласных

перед буквой Е в иноязычных словах. Кроме того, респонденты старшего возраста с равной вероятностью используют оба орфоэпических варианта слова *афера*, в отличие от младших поколений, которые предпочитают вариант со звуком [э].

Выводы

Проведенное нами исследование было нацелено на то, чтобы показать, что орфоэпические варианты выполняют функцию социолингвистических переменных, отражающих действие различных социальных факторов, что согласуется с многочисленными данными отечественных и зарубежных исследователей.

В результате проведенного нами опроса респондентов в нашей выборке не выявлена связь между орфоэпическими вариантами и гендерными различиями. Установлено, что мужчины и женщины демонстрируют полную согласованность в выборе предпочитаемого ими варианта произношения контрольных слов.

Выявлена тенденция, отражающая зависимость между орфоэпическими вариантами некоторых контрольных слов и возрастом респондентов. Это проявляется прежде всего в произношении сочетания букв ЧН как [шн] в соответствии со старомосковской нормой, что характерно для респондентов старшего возраста. Для оценки валидности рассмотренных нами социальных факторов необходимо в дальнейшем провести факторный дисперсионный анализ.

Несомненно, что выбор того или иного орфоэпического варианта определяется действием многих факторов, не учитываемых в нашем исследовании. К их числу относятся уровень образования, место проживания, профессиональная принадлежность и др., изучение которых на материале современного русского языка является актуальной задачей как в теоретическом, так и практическом аспекте.

Литература

1. Богданова-Бегларян Н.В. Русский язык повседневного общения: некоторые количественные данные в зеркале социолингвистики [Текст] / Н.В. Богданова-Бегларян, О.В. Блинова, Г.Я. Мартыненко, Т.Ю. Шерстинова // Коммуникативные исследования. — 2016. — № 3. — С. 81–92.
2. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике [Текст] / Л.П. Крысин. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 888 с.
3. Лавов У. Исследование языка в его социальном контексте [Текст] / У. Лавов // Новое в лингвистике. — 1975. — Вып. VII. Социолингвистика. — С. 96–181.
4. Русский язык по данным массового обследования: Опыт социально-лингвистического изучения [Текст] / под ред. Л.П. Крысина. — М.: Наука, 1974. — 351 с.
5. Словарь социолингвистических терминов [Текст] / отв. ред. В.Ю. Михальченко. — М.: Российская академия наук. Институт языкознания, 2006. — 312 с.
6. Сокорева Т.В. Ритм изменяется с возрастом (акустический анализ спонтанной речи 102 жителей США) [Текст] / Т.В. Сокорева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2015. — Вып. 1. — С. 214–230.
7. Сокорева Т.В. Взаимодействие факторов региональной принадлежности и возраста в ритмотемпоральных характеристиках речи жителей США [Текст] / Т.В. Сокорева, Т.И. Шевченко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2016. — Вып. 1. — С. 155–164.

References

1. Bogdanova-Beglaryan N.V., Blinova O.V., Martynenko G.YA., Sherstinova T.YU. Russkiy yazyk povsednevnogo obshcheniya: nekotoryye kolichestvennyye dannyye v zerkale sotsiolingvistiki [Russian language of everyday communication: some quantitative data in the mirror of sociolinguistics]. *Kommunikativnyye issledovaniya* [Communicative research]. 2016, I. 3, pp. 81–92.
2. Krysin L.P. *Russkoye slovo, svoye i chuzhoye: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike* [Russian Word, Own and Alien: Studies in the Modern Russian Language and Sociolinguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2004. 888 p.
3. Labov U. Issledovaniye yazyka v yego sotsialnom kontekste [The study of language in its social context]. *Novoye v lingvistike. Vyp. VII. Sotsiolingvistika* [New in linguistics. Issue. VII. Sociolinguistics]. Moscow, 1975, pp. 96–181.
4. *Russkiy yazyk po dannym massovogo obsledovaniya: Opyt sotsial'no-lingvisticheskogo izucheniya* [Russian language according to mass survey data: Experience of socio-linguistic study]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 351 p.
5. *Slovar sotsiolingvisticheskikh terminov* [Dictionary of sociolinguistic terms]. Moscow: Rossiyskaya akademiya nauk. Institut yazykoznaneya Publ., 2006. 312 p.
6. Sokoreva T.V. Ritm izmenyayetsya s vozrastom (akusticheskiy analiz spontannoy rechi 102 zhiteley SSHA) [Rhythm changes with age (acoustic analysis of spontaneous speech of 102 residents of the USA)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences], 2015, I. 1, pp. 214–230.
7. Sokoreva T.V., Shevchenko T.I. Vzaimodeystviye faktorov regionalnoy prinalozhnosti i vozrasta v ritmotemporal'nykh kharakteristikakh rechi zhiteley SSHA [Interaction of factors of regional affiliation and age in the rhythmotemporal characteristics of the speech of the inhabitants of the United States]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences]. 2016, I. 1, pp. 155–164.